

Во время нашествия Едигея был разрушен и сожжен Троице-Сергиев монастырь. Никон, преемник Сергия, понемногу восстанавливает его и в 1422 году начинает постройку ныне существующего белокаменного собора. Расписывать храм он приглашает Андрея Рублева и Даниила Черного, но так как с росписью храма спешили, то с ними работали и многие другие художники. Фресок эпохи Рублева в соборе, как показали работы реставраторов, в настоящее время не сохранилось, но иконостас уцелел почти полностью. В его создании принимало участие столь большое количество мастеров, что редко 2—3 иконы можно приписать одному художнику. Почти каждое произведение этого иконостаса достойно особой монографии. Но мы остановимся лишь на нескольких деталях и композициях, поражающих жизненностью или оригинальностью замысла.

В центре праздничного ряда находится «Евхаристия». Композиция разделена на две иконы: «Раздаяние хлеба» и «Раздаяние вина». Обе иконы сделаны разными мастерами. В «Раздаянии хлеба» справа, как обычно, изображены киворий, престол и Христос, раздающий хлеб. К нему приближается группа апостолов. Хлеб из рук Христа принимает апостол Петр (рис. 6). Действие происходит на фоне обычных палат. Лицо Петра типично для рядового русского человека и выражает трогательную благодарность по отношению к тому, кто дает ему хлеб. Он принимает хлеб, как милостыню; другие апостолы стоят, столпившись, как убогие, в ожидании своей очереди. Два юных апостола слева как бы выхвачены прямо из жизни (рис. 7); они сосредоточены и задумчивы, на них не обычные для апостолов одеяния — это не хитон и гиматий, а одежды с широкими воротами, напоминающие домотканые чепаны, которые носили раньше крестьяне. Быть может, это те простые одеяния, в которые облекались иноки Троицкого монастыря в то время.

Мастер этой композиции — прекрасный колорист, светлый и ясный, но он не очень заботится об изяществе форм: его архитектура эллинистического характера кажется как бы сколоченной с незатейливой неуклюжестью из дерева; купол кивория имеет несколько упрощенную форму; апостолы расположены совсем бесхитростно. Художник не заботится о том, чтобы их группа выглядела красиво. Его замысел глубок, и он не думает о внешнем эффекте. Это особенно бросается в глаза при сравнении с нарядной стройностью и изяществом композиции «Раздаяния вина», в которой архитектура сложна и искусно построена, цвета подчинены несколько темноватой гамме коричневых, желтых, темнозеленых и темнорозовых тонов. На прекрасно написанном покрывале престола — легкий золотой узор; группа апостолов движется, как в танце; их одежды красиво развеваются, пропорции удлинены, линии ритмично согласованы, выражения лиц сложны и напряжены. Мастер — изощренный артист, понимающий раздаяние вина как некое вдохновенное и приподнятое над обыденностью действие. Условность языка мастера «Раздаяния вина» подчеркивает простодушно-зоркое внимание к жизненной правде у мастера «Раздаяния хлеба».

Толкование художником таинства евхаристии как милостыни было совсем в народном духе того времени. Если вспомнить, что в 1422 году по всей Русской земле был голод и была «зима студена», люди умирали «с голоду и холоду», а иные «мертвыя скоты ядыху, и кони, и псы, и кошькы, и люди людеи ядоша»,¹ то напрашивается предположение, не была ли жизненная верность этой сцены навеяна еще недавними впечат-

¹ ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1422 годом, стр. 245.